

АНТОН
ПОНИЗОВСКИЙ

ПРИНЦ
ИНКОГНИТО

РОМАН

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНЬ ШУБИНОЙ

АСТ МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П56

Оформление переплёта — Павел Краминов

Макет — Андрей Бондаренко

Роман печатается с сохранением авторской орфографии и пунктуации.

Понизовский, Антон Владимирович.

П56 Принц инкогнито : [роман] / Антон Понизовский. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2017. — 288 с.

ISBN 978-5-17-982856-3

«Обращение в слух», первый роман Антона Понизовского, сразу же вошёл в короткий список премии «Большая книга» (2013).

Новый роман «Принц инкогнито» — одновременно и приключенческая новелла, и сугубо реалистичная бытовая драма, и горячая исповедь, и детектив. 1908 год, Сицилия, броненосец «Цесаревич», романтика и интрига. И сразу же: современная провинция, больница для умалишённых. Кто-то из пациентов устраивает поджог за поджогом; психиатр обязан найти пиромана. Но, как и положено в русском романе, за детективной фабулой — вопрос о “последней правде”. Где она: в тусклом реальном мире — или в цветных, золотых мечтах? И кто здесь подлинный принц?.. Может быть, вы?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-982856-3

© Понизовский А.В.
© ООО «Издательство АСТ»

ПРИНЦ ИНКОГНИТО

1

В полутьме перья кажутся сплошной массой. Жалкие мятые пёрышки. *Плюмас**. Плебс. Тысячи одинаковых перьев внутри подушки.

Я щёлкаю зажигалкой. Наволочка темнеет, на ткани вспухает пятно, будто я капнул чернилами. По границе разрыва рыскают штрихи пламени, тире — тире — точки. Как азбука Морзе, как отдельные буквы, слова и огненно-красные строки, нитки вспыхивают и на глазах истлевают, штришки расплзаются (изгибаются дугами, распадаются на отдельные скобки).

С красной строки загорается ткань. Беспорядочно разбегаются, распространяются язычки — по-

* *Plumas (исп.)* — перья.

одиночке и стайками, табунками: сбиваясь, лопочут, плетут витиеватые вензеля.

Я вижу: огонь — это речь. Это сказка. Перебивая, подхватывая друг друга, с пятого на десятое, путаясь, обрываясь, огненные языки торопятся рассказать про меня и про Миньку.

Вот мы на верхней палубе “Цесаревича”. Солнце скрыто за облаками. Но мы молодые, работаем без фуфаек, в одних рубахах: сицилианский декабрь — вроде нашего сентября.

Пока офицер далеко, Минька курит, облокотившись на леер. (Правда, сначала, наученный горьким опытом, взялся за леер, подёргал туда-сюда: закреплён ли?)

Матросики дрессированные, субординацию знают: все как один драят палубу, в Минькину сторону не глядят. Прикоснись к палубе. Чувствуешь, какая гладкая? Досочки из благородного тика, деревянные шайбы сидят как влитые, и между досками — аккуратнейшие каучуковые прокладки. Хотя от угольной пыли ничто не спасает. Скачиваем и драим, драим и скачиваем с утра, а вахтенный офицер провёл пальцем: мойте-ка, братцы, почище. Тьфу!

— Дак что, братец? — передразнивает Минька, когда офицер исчезает из виду. — Ты обещал, “на берег отпустят”.

Я на коленках, в руках грязная ветошь. Киваю:
— Сегодня же вечером и пойдём.

“Снова брешешь, — думает Минька. — А я-то, — думает, — развесил уши, дурак. Но обидно ж! Как хотелось бы в увольнение погулять — вон, Сицилия...”

Минька думает: “Теперь поздно. Что бы Его Высочество ни травил, после обеда на берег не выпускают...” — сплёвывает за борт.

“Цесаревич” стоит в круглой бухте. В семи-восьми кабельтовых к норд-норд-осту видны Сиракузы, сахарные дворцы. Прищурившись, Минька видит над берегом тёмную кромку: это могли быть деревья, аллея вдоль набережной — кабы линия не смотрелась настолько ровной...

Огонь выедает в перьях лакуны, каверны. Воспламеняясь, безвольные шелковистые волоски съёживаются, оплавливаются в чёрные капли. Я тоже скоро умру.

Какой контраст с Минькой, который выкурил половину вкусной чужой самокрутки и, жмурясь, подставляет лицо полуденному ветерку.

Для Миньки жизнь бесконечна. Она поднимается перед глазами — туда, где смыкаются небо и горизонт. Над горизонтом редуют и истончаются облака, набухает просвет, розовато-атласное озеро. К озеру у горизонта прямо от “Цесаревича”, из-под Минькиных ног устремляется лента — ещё не солнечная дорожка, ещё не слепящая, а лоснящаяся неярким муаровым лоском. Дорогу пересекают,

ПРИНЦ ИНКОГНИТО

пятнают течения, и когда озеро на горизонте становится ярче, первыми разгораются эти ребристые поперечные полосы: отблески мельтешат и роятся, как под дождём; лоб и щёку ощутичее припекает; солнечные ступеньки тасуются, теребятся, и кажется, что над ними, искрясь, реет облако солнечной пыли. Белая птица летит над водой. Стремительные катера с высокими трубами развешивают обрывки дыма. Посередине трепещущей золотистой дороги чернеет рыбацкая лодка, в ней стоит человек, отчего лодочный силуэт делается похожим на якорь или на корону.

2

Пятясь, Дживан отступил от подъезда и запрокинул голову. Длинная пятиэтажка из силикатного кирпича, вся в копчёных потёках. В окне наверху передвинулось что-то белое. Стёкла отсвечивали, отражая бесцветное небо, Дживан не мог разглядеть: успела одеться? или завернулась в простыню?.. в полотенце? Наугад поднял руку — кажется, помахала в ответ. Ну и хватит с неё. С ними надо держать себя твёрдо. Дживан повернулся и, больше не оборачиваясь, пошёл через колдобины, стараясь не наступать в глину щёгольскими лакированными ботинками.

Если женщина смотрела Дживану вслед (а она, несомненно, смотрела), — то видела элегантно

приталенное твидовое пальто, расправленные плечи, прямую спину человека, привыкшего побеждать. Главным правилом для Дживана было — держать спину прямо. Да и в целом — держать себя. Его ровесники обрюзгли и расплылись, а он сохранил фигуру двадцатилетнего юноши. И (здесь можно было мысленно подмигнуть) не только фигуру: всё тело сладко саднило и будто жужжало внутри, как остывающий двигатель.

Несмотря на бессонную ночь — две почти бессонные ночи! — Дживан отнюдь не чувствовал себя помятым: был, как всегда, чисто выбрит, надушен одеколоном, опрятно одет, причёсан. Ни намёка на лысину, лишь виски начинали седеть, это его только красило.

Дживан не любил головные уборы — шляпы, фуражки, береты, не говоря о бейсболках и кепках. Даже в мороз редко надевал перчатки. Избегал сумок, портфелей, часов — всего, что могло ограничивать, окружать, стеснять, привязывать: любил лёгкость. Изящную лёгкость. В одном кармане брюк — портмоне (не слишком, признаться, тугое). В другом — телефон, отключённый уже двое суток: и это сейчас был единственный груз, тянувший к земле. Дживан почти ощущал, как набрякли внутри телефона пропущенные звонки. Представлял себе, как нажмёт зелёную кнопку и с пиликаньем начнут выскакивать сообщения. Может, взять да и вышвырнуть телефон прямо вот в эту лужу — а жене сказать, потерял?..

Лужи, густые, оливково-бурые; канавы; вросшие в землю угрюмые пятиэтажки; ржавые гаражи, трубы с ключьями стекловаты, охвостья дыма над вяло курящейся свалкой, — объясните, как люди способны во всём этом существовать? За шестнадцать лет, что Дживан здесь прожил, не смог окончательно притерпеться: полгода потёмки, вода невкусная, пресная, воздух тоже невкусный...

А ну их, пускай живут как знают. Сейчас ничто не могло омрачить Дживанову размягчённость, ублаготворённость. Пахло солоноватым дымом: жгли листья. Дворы были пусты, только ветер болтал дырявые пластиковые бутылки с остатками птичьей крупы: четвёртый час дня — а у Дживана утро; все на работе, а он — свободен!

По утреннему мужскому обычаю, свободу можно было немного продлить. Для этого требовался, во-первых, хороший кофе — а во-вторых, *периодика*.

На витрине киоска среди зажигалок, заколок, наклеек, фломастеров и огородной рассады — бросилась в глаза выпуклая багровая с золотом надпись "*Принц крови*" — и на журнальной обложке парадный отретушированный портрет, забавно напоминавший самого Дживана: с таким же твёрдо очерченным подбородком, с такой же ранней породистой сединой; разве что чуть постарше — лет, может быть, сорока пяти - сорока семи...

Мундир в золотых орденах, в звёздах, лента через плечо, тяжёлая цепь с подковкой: кажется, это называлось “орден Золотого руна”. Неюный принц явно уступал Дживану в аристократизме. Мундир не спасал: простовато, мужиковато смотрелся принц.

Нагнувшись к окошечку, Дживан в присущей ему церемонной, подчёркнуто учтивой манере осведомился, сколько стоит журнал. Сколько-сколько? *Вай ку*. С ума посходили.

Вообще, если вдуматься, нелепо смотрелся сорокапятилетний мужчина в роли наследного принца. Можно было представить, с каким трудом ему подыскивают символические занятия: какие-нибудь регаты, скачки, благотворительность... День за днём, год за годом, вот уже седина, а коронации всё нет и нет...

И главное: если точно следовать ритуалу, нужна была свежая газета — и только газета. Начинать утро, листая иллюстрированный журнал, — то же, что портить кофе фруктовым сиропом.

Вот, например, — *“Лампедуза: цунами беженцев”*... Или ещё злободневнее: *“Шок! Шок!! Шок!!! Пожар в сумасшедшем доме!!!!”* Фотография во всю первую полосу: обугленные, словно гофрированные, брёвна; спина пожарного в современной, хотя мешковатой, как будто не по размеру, экипировке. Спина выражала недоумение: *“А чего тушить-то уже? Всё сгорело”*.

Дживана по некоторым причинам жгуче интересовал пожар в психбольнице. Руки чесались развернуть газету сейчас же, не отходя от киоска, но Дживан поборол искушение. Утро аристократа должно идти по порядку: вальяжно расположиться за столиком, не спеша развернуть... Где кафе?

У подъездов на лавках и на отдельных вынесенных из дома стульях восседали закутанные старухи: они казались Дживану неотличимыми друг от друга, будто одна и та же старуха с пустым дублёным лицом сидела и тут, и вон поодаль, только немного варьировался фасон чуней и цвет пуховика — тёмно-коричневый, тёмно-синий.

Ветер трепал бельё, натянутое между Т-образными ржавыми трубами; хлопал полуоторванный рубероид. Над деревянными сараями качались чайки. Дживан засунул руки в карманы, ускорил шаг.

Полы длинного твидового пальто завинчивались то влево, то вправо, мелькнула порванная подкладка. В Степанакерте или в Ереване немисливо было представить, чтобы взрослый женатый мужчина вышел из дому в дранье. У жены глаз, что ли, нету? Рук нету? За мужем не может следить? Позор!

Впрочем, сейчас, после двух бурных ночей, Дживан чувствовал себя мягким, великодушным, и даже в мыслях не хотел упрекать Джулию. Она не виновата. И он тоже не виноват. Просто жизнь так сложилась...